

Сектантский дух был особенно подчеркнутым у физиократов. Они отличались фанатизмом, нетерпимостью к чужим идеям и преувеличенным до смешного представлением о значении пропагандировавшихся ими идей. Во главе «секты» стояли представители трех поколений: старик Кенэ, родившийся еще в XVII веке и обратившийся к занятиям политической экономией лишь на склоне лет, маркиз Мирабо, бывший моложе своего учителя на два десятка лет, и, наконец, пылкий Дюпон-де-Немур, воспринявший физиократическое учение со всем энтузиазмом едва оперившегося юнца. Честь создания доктрины почти целиком принадлежит Кенэ. Один из лучших знатоков физиократического движения проф. Онкен категорически заявляет: «Процесс развития совершился только в голове Кенэ. Ни один из его учеников не принимал в этом участия»¹⁾. Другой авторитет, французский экономист Шелль, правда, наоборот, предостерегает, что «было бы ошибкой думать, будто их (физиократов) система вышла совершенно сформировавшейся из головы ее творца—Кенэ. Она складывалась мало-по-малу, она преподносилась по частям публике как учителем, так и учениками в статьях, брошюрах, книгах, с рядом последовательных изменений»²⁾. Однако, эта эволюция доктрины касалась несущественных деталей. Остов доктрины был создан действительно одним Кенэ. К этому следует лишь добавить, что экономическое учение физиократов получило наиболее отделанную формулировку у Тюрго, который, как увидим ниже, не был членом «секты».

Кенэ был, без сомнения, исключительной личностью. Он происходил из мелкобуржуазной, даже полукрестьянской семьи, хотя биографы XVIII века непременно хотели превратить его если не в дворянина, то хоть в приличного буржуа. «Титул крестьянина звучал плохо; в нем еще оставался какой-то привкус рабства»³⁾. Своим горбом выбившись в люди и дойдя до сравнительно независимого и обеспеченного положения постоянного врача фаворитки Людовика XV, маркизы Помпадур, и врача-консультанта при короле (*médecin consultant du roi*), Кенэ получает маленькую квартиру в «антресолях» Версальского дворца, из которой он может наблюдать вблизи придворную жизнь. Как писал Кенэ

1) Проф. Авг. Онкен. История политической экономии до А. Смита. С. П. Б., 1908, стр. 321.

2) G. Schelle. Le docteur Quesnay, chirurgien, médecin de m-me Pompadour et de Louis XV, Physiocrate, Paris, 1907, стр., 211.

3) G. Schelle, назв. соч., стр. 21.

своему другу: «Я достал себе небольшую ложу для того, чтобы лучше видеть главных актеров мировой сцены. Я вижу главную правительственную квартиру»¹⁾. Из людского потока, пронесившегося ежедневно по Версальскому дворцу, значительная часть считала необходимым посетить доктора, бывшего другом и доверенным лицом маркизы».

«В нем много ума; в нем ума хватит на дьявола», говаривали о Кенэ. Кенэ был умелым спорщиком и диалектиком. «Он никогда не спешил с догматическим утверждением своего мнения. Рядом хорошо поставленных вопросов он приводил вас к тому, что вы сами выводили в качестве заключения то, что он хотел бы вам поднести в качестве принципа». С этим тонким умением использовать сократические приемы в споре, Кенэ, по утверждению одного из его учеников, соединял большое благородство характера: «Не было человека, который лучше умел бы избежать обострения полемики. Он спорил всегда ради истины, но не из самолюбия. Покой его возраста выражался в мягкости выражения лица и в веселости его ума, которых никогда не могли омрачить даже самые жестокие страдания». В этой характеристике, вероятно, есть доля партийного увлечения. С другой стороны, противники не жалели красок, чтобы выставить отрицательные стороны Кенэ и его «клики». Вот что пишет, напр., Гримм об «отъявленном цинике» Кенэ: «Старик Кенэ имеет все качества, необходимые для главы секты. Он превратил свою доктрину в пеструю смесь общих мест и таинственных ясновидений. Сам он пишет мало, и если пишет, то совсем не для того, чтобы быть понятым... Он третирует своих учеников свыше меры. Он любит унижать их, когда они собираются вокруг него с широко разинутыми ртами, чтобы внимать его прорицаниям»²⁾. Эта ядовитая характеристика, повидимому, довольно далека от истины. Если у Кенэ и была некоторая склонность к резкости выражений³⁾ и к сарказмам, то все же, в общем и целом, Кенэ был честной и глубоко убежденной натурой, преданной до фанатизма своим идеям.

Наконец, Шелль дает такую характеристику личности главы физиократической школы, свободную от обеих крайностей: «Этот

¹⁾ Г. Гиггс. Физиократы. Французские экономисты XVIII в. С. П. Б., 1899, стр. 18.

²⁾ G. Weulersse. Le mouvement physiocratique en France de 1756 à 1770. T. I, Paris, 1910, стр. 57.

³⁾ Срв., напр., описание обращения в физиократическую веру маркиза Мирабо у А. Онкена, назв. соч., стр. 325—326.

человек невысокого роста, неприятнейшей наружности, дававшей основания для сравнения с Сократом, с полным отсутствием элегантности и знания обычаев света, был в придворных кругах не более, чем подчиненным лицом, одним из слуг дома фаворитки; однако, даже весьма знатные особы являются с визитом в его убогое жилище... Чаще всего эти приветствия нужно относить на счет не самого доктора, а доверия, которым он пользуется. Он лечит короля, который удостаивает его беседы. Он лечил наследника, который, повидимому, любил его. К его мнениям прислушивается m-me Помпадур. Нужно, следовательно, быть с ним ласковым. Его можно было заподозрить в робости, потому что, не обладая хорошими манерами, он подчас как бы тяготился сам собой. Но он знал людей, и его проникновенный взор читал в их сердцах. Если он обнаруживал там прямоту, то он проявлял себя тем, чем был в действительности: добрым, услужливым, верным. Если же он видел ханжество, то он поражал таких людей жестокими эпиграммами, хотя бы они занимали при дворе самое высокое положение» ¹⁾.

Кенэ не был особенно начитан в экономической литературе своего времени. Скорее он питал склонность к философскому чтению. Он изучал еще в молодости греческих философов, а из философских систем нового времени его больше всего увлекали построения Мальбранша. По словам его биографа, Кенэ не был эрудитом в экономических вопросах. Он читал, но гораздо больше наблюдал и размышлял. По всей вероятности, «он взращивал свои идеи в тиши прежде, чем пускать их в свет», как говорит Лавернь, и он взращивал их на поучительных фактах, проходивших перед его глазами. Он искал в природе того, чего нет в книгах, сказал также о нем Дюпон-де-Немур» ²⁾.

Колоритная фигура Мирабо очень мало напоминает облик его учителя. Этот «чудаковато-патриархальный», по выражению Маркса ³⁾, феодал принадлежал, по собственному признанию, к «неистойвой расе» ⁴⁾. Необычайная стремительность действий, легкая воспламеняемость, несколько театральная восторженность были отличительными чертами его натуры. Когда он явился к Кенэ для догматического спора, в котором, по его словам, «Голиафу,

¹⁾ G. Schelle. L'économie politique et les économistes, стр. 115.

²⁾ Schelle, назв. соч., стр. 189.

³⁾ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. Вып. I, СПб., 1906, стр. 41.

⁴⁾ Гиггс, назв. соч., стр. 38.

(т. е. самому Мирабо) раскрыли череп», он был уже один из самых популярных писателей Франции, благодаря выпущенному им труду «l'Ami des hommes», доставившему ему «настоящий триумф». «Люди ссорились из-за его портретов, устраивали давку, чтобы видеть его на богослужениях, где он присутствовал; при этом платили за стулья до 12 су. Дофин утверждал, что знает эту книгу сердцем и называл ее книгой честных людей. Ее имя красовалось на вывесках лавок. С 1757 до 1760 г.г., вышло 20 изданий сочинений маркиза, на которых издатели получили 80 тысяч ливров прибыли»¹⁾. Мирабо проповедывал в этом сочинении мысль о том, что многочисленное население является основой народного богатства. Эта мысль, как увидим ниже, представляется еретической в свете физиократического учения. Поэтому Мирабо писал впоследствии, что он был «не лучшим экономистом, чем его кошка»²⁾. Несмотря на ореол славы, которым Мирабо был окружен, он целиком приносит в жертву воспринятому им физиократическому вероучению собственные научные убеждения и становится ревностным пособником своего великого учителя.

Дюпон-де-Немур был моложе Кенэ на целых 45 лет. На его долю выпала популяризация доктрины и хранение ее традиций. Прожив долгую, полную превратностей жизнь, он скончался в Соединенных Штатах в 1817 г.; он пережил крушение физиократии на целых сорок лет и был свидетелем полного забвения этой системы со стороны неблагодарных потомков, воспитавшихся на физиократических идеях³⁾. Дюпон-де-Немур был одним из наиболее плодovitых писателей школы, отстаивавшим, вместе с тем, со строгим ригоризмом каждую букву физиократической догмы. Он был не столько ученым, сколько журналистом. Ему пришлось редактировать физиократический журнал *Ephémérides du citoyen* в период наибольшего успеха секты.

Рядом с этим триумvirатом, возглавлявшим школу физиократов, нужно поставить Тюрго, одного из самых образованных и просвещенных людей своего времени, великого министра-реформатора. Мы выделяем его из среды прочих физиократов потому, что он всегда отрешивался от участия в физиократической «секте». По словам Тюрго, «никогда не образуют секты для утвер-

¹⁾ Weulersse, назв. соч., стр. 53.

²⁾ Там же, стр. 54.

³⁾ Срв. его письма к Ж. Б. Сэ. *Oeuvres diverses de J. B. Say*. Paris, 1848, стр. 361 и сл.

ждения истины, а всегда для утверждения лжи»¹⁾. В его переписке с Дюпоном приходится постоянно наталкиваться на дружеские советы физиократам изжить этот сектантский дух, который так неприятно поражает внешнего наблюдателя²⁾. В известных письмах к главному контролеру аббату Террей о хлебной торговле Тюрго как бы считает необходимым оправдать совпадение своих мыслей о внешней торговле с физиократическим учением. Предубеждение против физиократов вызывается, по его словам, их сектантским духом и восторженным тоном; но «их энтузиазм не помешал им развить с большой ясностью ряд превосходных истин»³⁾. Тюрго расходился с физиократами в некоторых деталях учения, и когда фанатичный Дюпон сделал несколько исправлений в тексте присланной ему Тюрго для напечатания в журнале физиократов рукописи «Размышления об образовании и распределении богатств», Тюрго пишет неугомонному редактору: «Какие исправления вы сделали! Смешать употребление капиталов с их образованием! Назвать расходом доход и вообразить, что сберегать и тесаврировать это синонимы! Какое смешение идей или скорее терминов, и все это для того, чтобы покрыть несколько неправильных выражений, сорвавшихся с языка у добрейшего доктора в его первых сочинениях. О, сектантский дух!». В другом письме к Дюпону он замечает: «Логика не является сильной стороной экономистов. Их недостатком вообще нужно признать желание идти слишком быстро и не анализировать с должной тщательностью смысла слов»⁴⁾. Однако, все эти расхождения не мешали Тюрго питать к основателю физиократической секты самые добрые чувства и называть его «патриархом»⁵⁾. Когда Кенэ оставляет, за несколько лет до своей смерти, занятия экономическими вопросами, чтобы отдаться геометрии, и проявляет при этом признаки старческого слабоумия, то Тюрго, узнав о его намерении печатать свою геометрию, с горечью восклицает: «Ведь это скандал из скандалов! Ведь это затмение солнца!»⁶⁾

Следует признать, что среди физиократов и примыкавших к ним мыслителей и общественных деятелей Тюрго отличался наи-

1) H. Denis. Histoire des systèmes économiques et socialistes. T. I, Paris, 1904, стр. 132—3.

2) Turgot. Oeuvres, T. III, стр. 13, 77 и др.

3) Там же, T. III, стр. 270.

4) Там же, T. III, стр. 498.

5) Там же, T. II, стр. 22.

6) Там же T. III, стр. 78.